

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИДИОМ¹**

1. Сопоставительная фразеология: общие соображения

Сопоставительная фразеология в точном смысле начала активно развиваться с середины 60-х годов XX в. Однако, если учесть сравнительно-исторические исследования, в которых так или иначе использовался фразеологический материал, эта традиция намного старше. В исследованиях конца XIX — первой половины XX в., так или иначе затрагивавших фразеологическую проблематику, основное внимание уделялось вопросам происхождения и заимствования отдельных фразеологизмов, причем в качестве материала использовались в первую очередь пословицы. Сопоставительная фразеология в современном понимании — это особое направление исследований, ориентированное на выявление сходств и различий между фразеологизмами различных языков. В данном направлении можно выделить два относительно самостоятельных подхода: в первом случае исследуются родственные языки, а для второго степень генетического родства несущественна. Первое направление представлено, например, работой В. М. Мокиенко [Мокиенко 1980]. Исследование фразеологии генетически родственных языков предполагает этимологический анализ сопоставляемых единиц. Примерами второго направления могут служить такие работы, как [Hessky 1987; Korhonen 1995; 1996; Abdullah, Jackson 1998; Cheon 1998; Kotb 2002; Chang 2003]. В качестве отдельного направления можно рассматривать проект Э. Пирирайнен, имеющий целью анализ и детальное описание фразеологизмов, широко распространенных в языках Европы [Piirainen 2011]².

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке Wenner Gren Foundation (Стокгольм). Автор выражает искреннюю благодарность фонду, а также всем друзьям и коллегам, прочитавшим предварительные версии статьи и высказавшим ряд важных и полезных замечаний: Х. Кайперту, Е. В. Падучевой, А. А. Пичхадзе, А. Я. Шайкевичу.

² Основные работы по этому проекту представлены на сайте www.widespread-idioms.uni-trier.de. Их обзор содержится также в реферативной статье В. Айс-

Кроме того, как отдельное условие сопоставительного анализа фразеологии могут использоваться параметры типологической или ареальной близости; ср. [Dobrovol'skij 1988; Abraham 1989; Добровольский 1990; Piirainen 2009; 2010]. В рамках типологического подхода исследуются принципы организации фразеологических систем, связанные, в частности, с морфологическим типом языка. Так, степень аналитизма языка влияет на степень регулярности фразеологической системы. При прочих равных условиях языки с развитым аналитизмом (типа английского) проявляют большую склонность к образованию фразеологических конверсивов и каузативов, к использованию грамматикализованных, т. е. семантически опустошенных, глаголов (ср. англ. *make, do, get, go, come, take*) в составе фразеологизмов. В то же время для языков с ярко выраженными флективными признаками более характерны идиомы с уникальными компонентами, с присутствием разнообразных грамматических аномалий, с дефектами парадигм и пр.; ср. [Добровольский 1990]. Заметим, что задачи лингвистической типологии в целом достаточно сильно отличаются от задач контрастивной лингвистики. Соответственно, структурно-типологический анализ фразеологических систем преследует иные цели, чем сопоставительная фразеология в узком понимании.

Объектом исследований сопоставительной фразеологии является в принципе весь спектр формальных и семантических характеристик фразеологизмов, причем предметом анализа являются не только отдельные фразеологизмы, но и группы выражений, объединяемые по тому или иному признаку. Подробный обзор основных работ и направлений в этой области см. в [Dobrovol'skij 2002; Korhonen 2007].

Исследования в области сопоставительной фразеологии активно развиваются, что определяется их практической значимостью: результаты сопоставления фразеологических систем находят применение в преподавании иностранных языков, в двуязычной лексикографии, а также в теории и практике перевода.

2. Типы межъязыковой эквивалентности в традиции сопоставительных исследований

Долгое время основным вопросом сопоставительного анализа фразеологии оставалась классификация и описание типов межъязыковой эквивалентности. Ср. различные подходы в [Райхштейн 1980; Солодухо 1982; Арсентьева 1993; Mellado Blanco 2007]. На центральное место этих вопросов в традиционных сопоставительных исследованиях указывает в своей обзорной статье Я. Корхонен [Korhonen 2007: 586].

манна, опубликованной в справочнике по «евролингвистике»; ср. [Eismann 2010: 718—722].

В последние годы (частично под влиянием развития корпусной лингвистики) центр интереса сместился в сторону выявления индивидуальных особенностей функционирования сопоставляемых идиом в речи и совершенствовании их лексикографического представления в двуязычных словарях (см. раздел 4). Что касается традиционно выделяемых типов межъязыковой эквивалентности, они — в несколько упрощенном виде и без обсуждения отдельных точек зрения — могут быть сведены к следующим четырем классам:

- (i) «полные эквиваленты»;
- (ii) «частичные эквиваленты»;
- (iii) «фразеологические аналоги»;
- (iv) «безэквивалентные фразеологизмы».

(i) «Полные эквиваленты» — это фразеологизмы³ сопоставляемых языков L1 и L2, которые практически идентичны с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры и внутренней формы; ср.

рус. *играть с огнем* англ. *to play with fire*,
рус. *буря в стакане воды* и нем. *ein Sturm im Wasserglas*,
англ. *to put one's hand into the fire for sth.* и нем. *seine Hand ins Feuer legen für etw.*

Некоторые «полные эквиваленты» допускают морфологическое и минимальное лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы идиомы; ср., например, варьирование граммемы числа субстантивных компонентов в паре идиом нем. *von Kopf bis Fuß* (букв.: «с головы до ноги») и рус. *с головы до ног* или рус. *высотать из пальца* и нем. *sich aus den Fingern saugen* (букв.: «из пальцев»). Ср. также различия в выборе глагольного компонента между русской идиомой *превратиться в соляной столб* и немецкой *zur Salzsäule erstarren* (букв.: «окоченеть в соляной столб»). Подобные межъязыковые соответствия более естественно рассматривать как (i), а не (ii), хотя в литературе представлено и другое мнение. Часто «полные эквиваленты» — это интернационализмы, происходящие из единого источника; ср.

англ. *to rest on one's laurels*, нем. *auf seinen Lorbeeren ausruhen* и рус. *почивать на лаврах*,
англ. *to cherish a snake in one's bosom*, нем. *eine Schlange am Busen nähren* и рус. *пригреть змею на груди*,
фр. *prendre le taureau par les cornes*, англ. *to take the bull by the horns*,
нем. *den Stier bei den Hörnern packen* и рус. *взять быка за рога*.

З а м е ч а н и е. Важно, что само по себе происхождение из единого источника не гарантирует полной эквивалентности, поскольку пути семантического развития

³ В дальнейшем изложении в качестве языковых примеров используются в основном идиомы, хотя понятно, что сопоставительная проблематика релевантна и для фразеологизмов прочих классов.

часто оказываются уникальными для каждого языка. Так, русская идиома *мерзость запустения* означает ‘запустение, разорение’, а французское выражение *l'abomination de la désolation*, восходящее к тому же фрагменту Библии (Мф. 24: 15) — ‘великий грех, скандальное явление’ (часто с оттенком иронии) [Гак 1997: 63]. Кроме того, как показывают исследования, проводимые на большом эмпирическом материале (ср. в первую очередь [Piigainen 2011]), значимость источника для того или иного культурного ареала (например, Библии для христианского мира) не обеспечивает распространенности идиом, восходящих к данному источнику, во всех языках этого ареала. На это указывает и В. Г. Гак [1997: 56, 60]. Например, выражения *содом и гоморра* и *тьма кромеиная* в русском языке являются идиомами, а во французском соответствующие выражения *Sodome et Gomorrhe* и *les ténèbres extérieures* не закрепились в качестве фразеологизмов.

(ii) «Частичные эквиваленты» — это фразеологизмы L1 и L2, актуальные значения которых (почти) совпадают, а синтаксические структуры, лексический состав и образные составляющие несколько различаются; ср.

рус. *встать не с той ноги* и англ. *to get out of bed on the wrong side*,
рус. *делать из мухи слона* и нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen*,
рус. *раскрыть (свои) карты* и нем. *seine Karten auf den Tisch legen*⁴.

Можно сказать, что отношение частичной эквивалентности имеет место, когда при семантическом сходстве сопоставляемые идиомы характеризуются еще и существенным (но не полным) сходством в компонентном составе и синтаксической структуре, причем сходство явно доминирует над различиями.

(iii) «Фразеологическими аналогами» называют различные идиомы L1 и L2 с близкими актуальными значениями, но различной внутренней формой; ср.

рус. *одетый с иголки* и англ. *spic and span*,
рус. *стрелять из пушек по воробьям* и англ. *to take a sledgehammer to crack a nut*,
рус. *подложить свинью кому-л.* и англ. *to play a dirty trick on sb.*,
рус. *у кого-л. не все дома* и нем. *jmd. hat nicht alle Tassen im Schrank*,
англ. *hot potato* и нем. *heiβes Eisen*,
англ. *to be like a cat on hot bricks* и нем. *wie auf glühenden Kohlen sitzen*,
англ. *to buy a pig in a poke* и нем. *die Katze im Sack kaufen*.

«Фразеологические аналоги» характеризуются семантическим сходством при (почти) полном отсутствии формального сходства, т.е. сходства синтаксической структуры и компонентного состава. В разных концепциях это явление известно под разными названиями. Так, в [Mellado Blanco 2007] такое отношение между сопоставляемыми фразеологизмами называется

⁴ Заметим, что в немецком языке существует и «полный эквивалент» этой русской идиомы — *seine Karten offenlegen*, который, однако, не столь употребителен, как «частичный эквивалент» *seine Karten auf den Tisch legen*.

«функционально-семантической эквивалентностью» (funktionelle Bedeutungsäquivalenz).

В некоторых работах по сопоставительной фразеологии выделяются определенные подклассы «фразеологических аналогов». Так, в [Kozak-Opsahl 2010: 84] различаются «общие эквиваленты» (equivalence on a generic level) и «динамические эквиваленты» (dynamic equivalence). Первые характеризуются общностью концептуальных метафор (в смысле Дж. Лакоффа), лежащих в основе сопоставляемых идиом, а вторые — лишь принципиально сходным актуальным значением. В некоторых работах предлагается подразделять фразеологические аналоги на «полные» и «неполные», что вряд ли осмысленно, поскольку «аналоги», по определению, не могут полностью совпадать по всем релевантным параметрам. Следовательно, любой «аналог» характеризуется отсутствием полной эквивалентности.

(iv) «Безэквивалентные фразеологизмы» — это выражения языка L1, у которых в языке L2 нет фразеологических соответствий. Так, у русской идиомы *объяснить на пальцах* ни в английском, ни в немецком языке нет идиом-эквивалентов. Ее, конечно, можно перевести на эти языки, например на английский как *to explain as simply as possible*, но понятно, что подобные описательные переводы не являются единицами фразеологической системы языка L2. Ср. также немецкую идиому *etw. nicht übers Herz bringen können* (букв.: «не мочь пронести что-л. через сердце»), которая может быть переведена на русский только описательно, с помощью свободного сочетания слов типа *не мочь себя заставить (сделать что-л.)*.

В любом языке можно найти довольно много подобных примеров. Ср. английские идиомы *to cut sb. off with a shilling* ‘лишить кого-л. наследства’ (внутренняя форма идиомы основана на том факте, что завещатели часто оставляли лишненным наследства один шиллинг в доказательство того, что лишение наследства было преднамеренным); *to get a blow* ‘подышать свежим воздухом’; *prunes and prism(s)* ‘жеманная манера говорить’. Мотивация последнего выражения становится очевидной при обращении к первоисточнику:

“Papa is a preferable mode of address”, observed Mrs. General. “Father is rather vulgar, my dear. The word Papa, besides, gives a pretty form to the lips. Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, are all very good words for the lips: especially prunes and prism. You will find it serviceable, in the formation of a demeanour, if you sometimes say to yourself in company — on entering a room, for instance — Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, prunes and prism” [Ch. Dickens. Little Dorrit]. — «Папа» — более подходящая форма обращения, — заявила миссис Джeneral. — «Отец» — это довольно вульгарно, душа моя. Кроме того, слово «папа» придает изящную форму губам. «Папа», «пряник», «палисандр», «персики и призмы» — прекрасные слова для губ, особенно «персики и призмы». Было бы очень полезно, в смысле приобретения хороших манер, если бы вы время от времени, будучи в гостях или, например, входя в комнату, повторяли про себя: «Папа, пряник, палисандр, персики и призмы».

Достаточно очевидно, что выделение различных типов межъязыковой эквивалентности служит в первую очередь решению чисто классификационных задач. Как и все подобные классификации, данная типология характеризуется некоторой искусственностью и схоластичностью. Действительно, в соответствии с изложенными принципами получается, что нем. *ein Sturm im Wasserglas* и рус. *буря в стакане воды* — «полные эквиваленты», в то время как идентичная им по актуальному значению английская идиома *a tempest in a teapot* — это уже «частичный эквивалент», поскольку *teapot* — не то же самое, что *стакан воды* и *Wasserglas*, а следовательно, в их образных составляющих можно усмотреть некоторые различия. При этом понятно, что и в лексикографии, и в переводческой практике с этими тремя идиомами вполне можно работать как с хорошими эквивалентами. Аналогично, немецкая идиома *seine Karten auf den Tisch legen* имеет «полный эквивалент» в английском: *to lay one's cards on the table*, но не в русском, поскольку *раскрыть (свои) карты* отличается и по лексическому составу, и по образной составляющей, не фокусируя «стол» как слот соответствующего фрейма. Еще один пример: поскольку *to tilt* — не то же самое, что *сражаться* или *kämpfen*, получается, что русская идиома *сражаться с ветряными мельницами* и немецкая *gegen Windmühlen kämpfen* — «полные эквиваленты», а английская *to tilt at windmills* — нет.

Критерии для разграничения отдельных классов в такого рода типологиях определяются скорее интуитивно, что проявляется в наличии большого количества переходных случаев. Действительно, почему мы рассматриваем пару идиом нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen* и рус. *делать из мухи слона* как «частичные эквиваленты», а англ. *hot potato* и нем. *heiβes Eisen* — как «аналоги»? И в том и в другом случае они различаются ровно на один субстантивный компонент. Интуитивно понятно, что семантические различия между ‘мухой’ и ‘комаром’ (*Mücke*) скорее не существенны для внутренней формы ‘делать из некоего очень маленького насекомого какое-то очень большое животное’⁵, в то время как разница между ‘картошкой’ (*potato*) и ‘железом’ (*Eisen*) влияет на структуру исходного концепта и может проявляться в специфике актуального значения. Тем не менее очевидно, что в ряде случаев принять обоснованное решение при отнесении пары идиом к тому или иному классу межъязыковой эквивалентности крайне сложно. А главное — не очень понятно, зачем. Какую пользу для составления двуязычных фразеологических словарей или для поиска наиболее удачного способа перевода можно извлечь из знания, с каким типом эквивалентности мы имеем дело в каждом конкретном случае? Для решения практических задач преподавания иностранных языков, перевода и составления словарей важно другое: выявить и описать различия в употреб-

⁵ Здесь, кстати, сразу возникает вопрос, считать ли соответствующее английское выражение *to make a mountain out of a molehill* «частичным эквивалентом» или «фразеологическим аналогом».

лении внешне схожих фразеологизмов сопоставляемых языков и — говоря шире — помочь найти наиболее подходящий способ передачи значения данного L1-выражения средствами L2.

Несколько искусственно с точки зрения естественного функционирования языка выглядит также класс (iv). «Безэквивалентными» объявляются все фразеологизмы языка L1, не имеющие в языке L2 фразеологических коррелятов. При этом очевидно, что очень часто подобные L1-выражения имеют в L2 практически идентичные по актуальному значению и даже по внутренней форме соответствия. Ср. русскую идиому *козел отпущения* и ее корреляты в немецком и английском языках: *Sündenbock* и *scapegoat*. Хотя нем. *Sündenbock* и англ. *scapegoat* — это слова, а не идиомы, их исключение из сферы межъязыковой эквивалентности явно противоречит интуиции. Ср. еще один близкий пример: рус. *краеугольный камень*, нем. *Eckstein* и англ. *cornerstone*. Очевидно, что различия в статусе подобных лексических единиц (идиома vs. слово) мотивированы типом языка, системно заданным предпочтением того или иного способа номинации (в частности, техники словосложения), а не спецификой плана содержания сопоставляемых единиц.

Несмотря на все указанные недостатки, попытки классифицировать типы межъязыковой эквивалентности в определенном смысле полезны. Цель таких классификаций — сопоставление фразеологических систем. То, что при этом не учитывается ряд релевантных параметров (в частности, полностью игнорируется узус), является следствием такой постановки задачи. Решение этой задачи, хотя и представляется несколько схоластичным, небесполезно в теоретическом отношении. Описание, основанное на подобной классификации, дает некое (пусть достаточно огрубленное) представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях фразеологии сопоставляемых языков. Выделяемые на основании данных критериев эквиваленты следует рассматривать как гипотетические, поскольку описание фразеологии, ориентированное на критерии такого рода, ничего не говорит о реальном функционировании сопоставляемых выражений. Подобная классификация может использоваться как исходный пункт для исследования специфики употребления фразеологизмов с близкой семантикой в каждом конкретном языке. Понимаемую таким образом гипотетическую межъязыковую эквивалентность можно назвать **системной**⁶.

В контексте задач, ориентированных на сопоставление фразеологических систем, следует рассматривать и другие типы межъязыковой эквивалентности, выделяемые в традиционных подходах. В [Günther 1990: 506; Korhonen 2007: 577; Mellado Blanco 2007: 264, 271—272; Hallsteinsdóttir, Farø 2010: 140—141] описана так называемая «количественная» классификация типов эквивалентности, предполагающая разграничение **моно-, поли- и нулевой эквивалентности**. «Моноэквивалентность» — это такое отношение,

⁶ Об отличиях системной эквивалентности от эквивалентности в переводе см. ниже.

при котором одному фразеологизму языка L1 может быть сопоставлен в языке L2 ровно один эквивалентный фразеологизм. «Полиэквивалентность» предполагает наличие в L2 более одного фразеологизма, который может быть поставлен в соответствие данному L1-фразеологизму. «Нулевая эквивалентность» соответствует типу (iv) в рассмотренной выше классификации.

Выделение так называемой «полиэквивалентности» представляется полезным для изучения так называемой «асимметричной полисемии» [Dobrovol'skij 1999a; Dobrovol'skij, Piirainen 2005: 68—71] — довольно распространенного явления, когда многозначной идиоме языка L1 в языке L2 соответствует несколько различных идиом. Описание данного явления имеет практическую пользу для лексикографии. Кроме того, под категорию «полиэквивалентности» подпадают случаи наличия в L2 ряда синонимичных фразеологизмов, каждый из которых в определенных контекстных условиях может быть аналогом данного фразеологизма языка L1. И наконец, за «полиэквивалентностью» может скрываться контекстная обусловленность выбора L2-эквивалента, т. е. случаи, когда один и тот же (необязательно многозначный) фразеологизм L1 переводится на L2 совершенно различными способами в зависимости от контекстных условий. Ср. анализ немецких эквивалентов русской идиомы *накрыться медным тазом* в [Dobrovol'skij 1998; 2000a]. В зависимости от того, что именно *накрывается медным тазом* (*чайник, компьютер, публикация, помолвка, предстоящий концерт* и т. д.) выбор немецкого эквивалента варьирует в широком диапазоне. Из сказанного видно, что, с одной стороны, «количественная» классификация типов эквивалентности может оказаться полезной для решения каких-то практических и даже теоретических задач, но с другой — выделяет типы, за которыми стоят сущностно различные явления, т. е. представляет собой недостаточно разработанный инструментарий для сопоставительного анализа фразеологии.

Помимо рассмотренных концепций, в традиционных исследованиях по сопоставительной фразеологии предлагалась типология эквивалентов, основанная на противопоставлении плана содержания плану выражения. Ср. разграничение «эквивалентов по значению» и «эквивалентов по форме» у Я. Корхонена [Korhonen 2007: 575]. В [Wotjak, Ginzburg 1987] этому противопоставлению соответствует различие «эквивалентности» (*Äquivalenz*) и «конгруэнтности» (*Kongruenz*).

С одной стороны, это разграничение представляется само собой разумеющимся. Действительно, для того чтобы проводить сравнительный анализ выражений различных языков, эти выражения должны обнаруживать интуитивно очевидные точки соприкосновения. Это может быть либо сходное значение, либо сходная форма. Причем применительно к фразеологизмам различных языков о сходной форме можно говорить, только исходя из параллельности синтаксической структуры и сопоставимости лексического состава, т. е. из определенных параметров внутренней формы, так как материальная форма выражений разных языков не может совпадать

по определению. С другой стороны, за этим в общем-то тривиальным противопоставлением стоит серьезная исследовательская задача, которая еще весьма далека от своего решения. Когда в качестве исходного пункта анализа берется актуальное значение, задачей исследования является выявление и описание способов метафорического выражения данного значения, зафиксированного во фразеологии соответствующих языков. Если эти способы системно различаются, описание этих различий, возможно, потребует обращения к понятиям семиотики культуры. Когда же в качестве исходного пункта анализа берется внутренняя форма, цель исследования состоит в сопоставлении различных путей семантической переинтерпретации (подробнее об этом понятии см. [Баранов, Добровольский 2008]). Сходные образы могут по-разному переинтерпретироваться в разных языках и, соответственно, порождать различные актуальные значения. Теоретически это весьма интересное направление исследований, поскольку позволяет сопоставить разные лингвоспецифичные пути конвенционализованной метафоризации. Одним из вариантов такого подхода является анализ, за исходный пункт которого принимаются фразеологизмы, в которых не только внутренняя форма, но и лексический состав характеризуется значительным сходством. Если при этом оказывается, что их актуальные значения обнаруживают существенные различия, мы имеем дело с так называемыми «ложными друзьями переводчика» — явлением, еще недостаточно тщательно описанным применительно к фразеологии. Еще чаще, чем «ложные друзья», встречаются различные квазиэквиваленты (или межъязыковые квазисинонимы), т. е. фразеологизмы, близкие, но не идентичные по значению (см. подробнее в разделе 3.2).

3. Фразеологизмы в переводе и в системе языка

Для того чтобы ответить на вопрос о природе межъязыковых эквивалентов во фразеологии, нужно сначала выделить два различных аспекта эквивалентности:

- (а) эквивалентность в переводе, т. е. отношение между данным фразеологизмом языка L1 и его переводом на язык L2 в определенном тексте⁷ и
- (б) эквивалентность в системе языка, т. е. отношение между сопоставляемыми фразеологизмами языков L1 и L2 на системном уровне.

Очевидно, что выбор переводного эквивалента в большей степени зависит от контекста. Эквиваленты в системе языка — это более или менее

⁷ Важно, что переводным эквивалентом L1-фразеологизма не обязательно является L2-фразеологизм. Это может быть и слово (часто с метафорическим значением), и свободное словосочетание. Подробнее см. ниже в разделе 3.1.

(прежде всего семантически) сходные идиомы двух или более сопоставляемых языков. Поскольку такие эквиваленты чаще всего обнаруживают те или иные межъязыковые различия, термин *эквивалентность* употребляется в этом случае не вполне строго. В принципе, то же самое можно сказать и об эквивалентности в переводе, поскольку очевидно, что она задается общими параметрами текста, а не отдельными лексическими единицами, в том числе идиомами. Иными словами, переводчик ориентируется не на семантическое (и тем более формальное) сходство отдельных лексических единиц (слов или фразеологизмов), а на структуру текста в целом. Материал различных языков показывает, что подлинной эквивалентности (в понимании, максимально приближенном к математическому или логическому) во фразеологии практически не существует.

Остановимся подробнее на каждом из этих аспектов: межъязыковой эквивалентности в переводе и межъязыковой эквивалентности в системе языка.

3.1. Эквивалентность в переводе

Одно из важнейших отличий переводческой эквивалентности от эквивалентности системной состоит (помимо того, что первая ориентирована на конкретный текст, а вторая — на лексическую систему) в том, что эквивалентность в переводе — это однонаправленное отношение (*einseitige Relation*), в то время как эквивалентность в системе языка определяется как двустороннее отношение [Hallsteinsdóttir, Farø 2010: 146]. Иными словами, если фразеологизм языка L1 системно эквивалентен некому L2-фразеологизму, это значит, что и данный L2-фразеологизм эквивалентен соответствующему L1-фразеологизму. Если же речь идет об эквивалентности в переводе, утверждается лишь, что некоторое выражение языка L2 употреблено в переводе некоторого конкретного текста на языке L1 так, что между фразеологизмом L1 из данного текста и этим выражением L2 имеется отношение смыслового соответствия. Понятно, что если перевод некоторого L1-фразеологизма на язык L2 является его эквивалентом (по крайней мере относительно данного контекста), то это не значит, что данное отношение может быть обращено, т. е. L1-фразеологизм не должен рассматриваться как эквивалент выражения, употребленного при переводе этого фразеологизма на язык L2 (даже если это фразеологизм).

Вообще, перевод идиомы, употребленной в тексте оригинала, совсем не обязательно осуществляется с помощью идиомы языка-цели. Это может быть отдельное слово, окказиональное образное выражение или перифраза. Таким образом, эквивалентность в переводе — это не та эквивалентность, которую имеют в виду фразеологи, когда описывают межъязыковые соответствия различных типов.

В сферу переводческих эквивалентов попадают не только случаи перевода фразеологизмов L1 различными способами, но и — отнюдь не столь редкие — пары типа «свободное словосочетание L1 → фразеологизм L2»

или «слово L1 → фразеологизм L2». Очевидно, что изучение эквивалентности в переводе расширяет наши представления о возможностях межъязыкового перефразирования, а также о роли контекстных условий для подбора адекватного соответствия и способствует развитию как теории перевода, так и сопоставительной фразеологии.

Идеальная эмпирическая база для исследования переводных эквивалентов — это корпуса параллельных текстов. Обратимся к русско-немецкому параллельному корпусу, содержащему роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и три его различных перевода на немецкий язык: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э. К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX в. и затем многократно переиздававшийся⁸. Ср. следующий пример, содержащий устаревшую идиому *бубновый валет*, употреблявшуюся в XIX в. в значении ‘мошенник, плут’ (от символической интерпретации этой карты, восходящей к французской культурной традиции)⁹.

- (1) Она всю жизнь будет меня за *валета бубнового* считать (да это-то ей, может быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она к тому готовится, такой уж характер (Ф. М. Достоевский. Идиот).
- (1a) Ihr Leben lang wird sie mich für einen *Karo-Buben* [букв.: *бубнового валета*] halten (aber vielleicht ist es genau das, was sie braucht) und mich trotzdem auf ihre Art lieben; sie stellt sich schon darauf ein, das ist eben ihr Charakter (пер.: S. Geier).
- (1b) Sie wird mich zeit ihres Lebens für einen *miesen Gauner* [букв.: *подлого мошенника*] halten (das braucht sie vielleicht) und mich dennoch auf ihre Weise lieben; darauf stellt sie sich ein, das liegt in ihrem Charakter (пер.: H. Herboth).
- (1c) Sie wird mich ihr Leben lang für einen *dummen Jungen* [букв.: *глупого мальчишку*] halten — das ist ja aber vielleicht gerade das, was sie haben will! — und mich dabei doch auf ihre Art lieben; wenigstens bereitet sie sich dazu vor, das ist nun einmal ihr Charakter (пер.: E. K. Rahsin).

⁸ Корпус создан в рамках исследовательской программы «Корпус Австрийской Академии» (AAC — Austrian Academy Corpus) Австрийской академии наук в Вене. В статье используется также материал подкорпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru), корпус Института немецкого языка в Мангейме DeReKo (<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>), корпус немецкого языка XX в. Берлин-Бранденбургской академии наук (www.dwds.de), различные сайты Интернета, а также контексты, случайно встретившиеся при чтении.

⁹ Эта идиома была достаточно известна еще и в начале XX в. Ср. название известного художественного объединения «Бубновый валет», придуманное М. Ларионовым в противовес претенциозным и псевдоутонченным названиям, характерным для культурной жизни того времени.

Примеры показывают, насколько различными могут быть конкретные переводческие решения. Перевод, предлагаемый С. Гайер (1a), абсолютно адекватен: малопонятная русская идиома *бубновый валет* переводится с помощью такого же малопонятного немецкого композита *Karo-Bube*. При этом сохраняется образная основа выражения и его уникальный колорит. Потери в общедоступности смысла мотивированы, во-первых, тем, что и русский читатель текста оригинала находится не в лучшем положении, а во-вторых, тем, что носители немецкого языка могут при желании выяснить значение этого выражения. Известно, что немецкий язык находился в XVIII и XIX вв. под столь же сильным влиянием французского, что и русский. Перевод (1b) раскрывает семантику русского фразеологизма *бубновый валет* и в этом смысле также адекватен. Перевод (1c) менее точен, что вообще характерно для переводческой практики начала XX в. Хотя общий смысл данной реплики Гани Иволгина, обращенной к князю Мышкину, передан верно, значение идиомы *бубновый валет* искажено: ‘мошенник’ и ‘глупый мальчишка’ — весьма разные понятия. В подобных случаях вообще нельзя говорить об эквивалентности: ни о переводческой, ни тем более о системной.

Можно предположить, что подобный разброс в переводческих решениях характерен только для устаревших и малопонятных выражений, подобных идиоме *бубновый валет*. Однако это не так. Вполне употребительная и общеизвестная русская идиома *знать всю подноготную* также переводится весьма различными способами; ср. (2).

- (2) Люди, о которых они *знают всю подноготную*, конечно, не придумали бы, какие интересы руководствуют ими, а между тем многие из них этим знанием, равняющимся целой науке, положительно утешены, достигают самоуважения и даже высшего духовного довольства (Ф. М. Достоевский. Идиот).
- (2a) Die Menschen, über die sie *bis zum Schwarzen unter dem Nagel unterrichtet sind* [букв.: *знают все вплоть до черноты под ногтями*], könnten es sich nie erklären, welches Interesse sie leitet, während für viele von ihnen selbst ihr Wissen, das einer ganzen Wissenschaft gleichkommt, ein wirkliches Vergnügen bedeutet und ihnen ein Gefühl des eigenen Wertes, ja, sogar eine höhere geistige Genugtuung verschafft (пер.: S. Geier).
- (2b) Von den Leuten, deren Leben sie *in allen Einzelheiten ergründen* [букв.: *изучают во всех подробностях*], vermag sich natürlich niemand vorzustellen, was sie zu solchem Tun treibt, aber vielen von ihnen vermitteln diese einer Wissenschaft gleichkommenden Kenntnisse effektiv Trost, Selbstachtung und sogar tiefsten Seelenfrieden (пер.: H. Herboth).
- (2c) Die Betroffenen, von denen sie *alle diese Einzelheiten wissen* [букв.: *знают все эти подробности*], könnten es sich natürlich nimmer erklären, aus welchen Gründen sie sich für diese Dinge interessieren; in-

des kann ich versichern, daß viele von ihnen mit diesen Kenntnissen, die einer ganzen Wissenschaft gleichkommen, sich vollkommen zufrieden geben, in ihrer Selbstachtung bedeutend steigen und mit der Zeit sogar eine höhere geistige Genugtuung darin finden (пер.: Е. К. Rahsin).

Перевод Светланы Гайер (2а), в принципе отличающийся (как и все прочие работы этой известной переводчицы) максимальной точностью и верностью оригиналу, содержит окказиональное выражение *bis zum Schwarzen unter dem Nagel*, которое можно с некоторой натяжкой считать калькированием, в то время как два другие переводчика выбрали описательный способ передачи смысла. Однако эта квазикалька игнорирует подлинную этимологию идиомы *знать всю подноготную*. Согласно словарям Фасмера, Ушакова и Ожегова, внутренняя форма слова *подноготная* содержит указание на средневековую пытку запускания игл или гвоздей под ногти и никак не связано со смыслом 'грязь под ногтями'.

Переводчики довольно часто прибегают к — иногда довольно приближительному — калькированию идиом. Понятно, что соответствия такого рода никак не могут быть признаны эквивалентами в системе языка, хотя бы потому, что калька, употребленная в L2, не является лексической единицей данного языка. Соответственно, эквиваленты в переводе и эквиваленты в системе языка — совершенно разные категории.

Случаи, подобные (1) и (2), когда переводчик выбирает нестандартный эквивалент в отсутствие стандартного, понятны. Но встречаются и случаи, когда у L1-фразеологизма в языке L2 есть полный эквивалент в традиционном смысле, а переводчики тем не менее предпочитают другое решение. Например, «хорошим» эквивалентом русской идиомы *взять себя в руки* является английское выражение *to take oneself in hand*¹⁰. Однако в контексте (3) эта русская идиома переведена глаголом *to control*.

- (3) «*Взять себя в руки*», — истерическим речитативом произнес Граф и, кашлянув, встал, подошел к окну (В. Набоков. Занятой человек).
 (3а) “You must *control yourself*”, cried Itski to Graf in a hysterical recitative. He cleared his throat and walked to the closed window (пер.: Д. Набоков)¹¹.

¹⁰ Ср. эквиваленты, приводимые в словаре [REDI 1995: 566]: X взял себя в руки — X took himself in hand; X got a grip of himself; X got (a) hold of himself; X pulled himself together; X got control of himself. Ср. также толкование идиомы *to take in hand sb., sth.* в словаре [Longman DEI 1979: 145]: ‘to take (a person or thing) under one’s control, esp. to try to make improvements’.

¹¹ *Граф Им* — это псевдоним главного героя, «псевдоним, выдуманный давно, дождливой ночью, в ожидании Парома». Дмитрий Набоков перевел этот псевдоним как *Grafitski*. Тем самым форма *cried Itski to Graf* в переводе (3а) эксплицитнее, чем в оригинале (3), указывает на то, что данная реплика героя обращена к самому себе.

Еще один подобный пример. Наиболее близким русским эквивалентом английской идиомы *to take the plunge* ‘внезапно решиться на рискованный поступок, не думая о возможных, в том числе и неблагоприятных, последствиях’ является, по-видимому, выражение *броситься очертя голову*. Ср., однако, контекст (4), в котором *took the plunge* было переведено как *взял быка за рога*.

- (4) He coughed into his fist with an unexpected cavernous sound ⟨...⟩ and then *took the plunge*: “I must warn: will have all my teeth pulled out. It is repulsive operation” (V. Nabokov. Pnin).
- (4a) Он откашлялся в кулак с неожиданно пещерным звуком ⟨...⟩ и *взял быка за рога*: «Я должен предупредить, — мне вырвут все зубы. Это отвратительная операция» (пер.: С. Ильин).

Разумеется, нередки и случаи, когда переводчики используют стандартное «словарное» соответствие; ср. (5).

- (5) “Wenn der Rabbi nur reden wollte, der könnte uns Dinge erzählen, daß *einem die Haare zu Berge stünden*”, warf er halblaut hin (G. Meyrink. Der Golem).
- (5a) — Если бы только рабби захотел, он бы рассказал нам такие вещи, что у нас *волосы стали бы дыбом*, — вполголоса заметил он (пер.: Д. Л. Выгодский)¹².

В 60-е и 70-е годы XX в. в работах по сопоставительной фразеологии часто высказывалось мнение, что переводчик должен стремиться к сохранению общего уровня «фразеологичности» текста. Иными словами, если в определенном фрагменте текста по каким-то причинам не удастся перевести идиому с помощью идиомы, то эта «потеря» обязательно должна быть компенсирована, т. е. переводчик должен вставить идиому языка L2 в каком-то другом месте, чтобы общее количество фразеологизмов исходного текста в целом сохранялось. Понятно, что подобные требования довольно наивны и вряд ли обоснованы с точки зрения критериев адекватности перевода. Фразеологизмы (даже в художественном тексте) не имеют самостоятельной ценности. Переводятся информационные структуры текста, а не отдельные лексические единицы. При этом особенности индивидуального стиля автора, которые хороший перевод должен сохранять, не привязаны к конкретным фразеологизмам. Гораздо более значимыми с этой точки зрения оказываются авторские метафоры, стилистическая окраска текста, ритмические характеристики фразы и т. п. Идиомы проявляют себя как элемент авторского стиля лишь в нестандартных употреблениях, например в случаях обыгрывания их внутренней формы, окказионального

¹² Обращает на себя внимание необычная форма *волосы стали бы дыбом* при норме *волосы встали бы дыбом*. На это отклонение мое внимание обратил Х. Кайперт.

варьирования их структуры, включения в каламбурные контексты и пр. Ср. следующий фрагмент из романа Г. Грасса «Жестяной барабан», иллюстрирующий идиомами, в том числе с авторскими игровыми модификациями, и его перевод на русский язык.

- (6) Mama konnte sehr lustig sein. Mama konnte sehr ängstlich sein. Mama konnte schnell vergessen. Mama hatte dennoch ein gutes Gedächtnis. Mama *schüttete mich aus* und *saß* dennoch *mit mir in einem Bade*. Mama ging mir manchmal verloren, aber ihr Finder ging mit ihr. Wenn ich Scheiben zersang, handelte Mama mit Kitt. Sie *setzte sich* manchmal *ins Unrecht*, obgleich *es ringsherum Stühle genug gab*. Auch wenn Mama *sich zuknöpfte*, blieb sie mir aufschlußreich. Mama fürchtete die Zugluft und *machte* dennoch ständig *Wind*. Sie lebte auf Spesen und zahlte ungerne Steuern. Ich war *die Kehrseite ihres Deckblattes* (G. Grass. Die Blechtrommel).
- (6a) Мама могла быть очень веселой. Мама могла быть очень робкой. Мама могла скоро забывать. Однако у мамы была хорошая память. Мама *выплеснула вместе с водой и меня*, и она же *сидела со мной в одной ванне*. Я иногда терял маму, но ее искатель ходил рядом с ней. Если я пением разрезал стекла, мама подавала замазку. Будучи неправа, мама часто *стояла на своем*, хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть. Даже когда мама была *застегнута на все пуговицы*, она оставалась для меня открытой. Мама боялась сквозняков и, однако, то и дело *поднимала бурю*. Она жила на издержки и не любила накладных расходов. Я был *рубашкой верхней карты в ее колоде* (пер.: С. Л. Фридлянд).

Этот фрагмент, в котором Оскар описывает свою маму, содержит (в явном виде и в форме аллюзий) следующие фразеологизмы: *das Kind mit dem Bade ausschütten* (вместе с водой выплеснуть и ребенка), *im gleichen (in einem) Boot sitzen* (сидеть в одной лодке), *sich ins Unrecht setzen* (быть несправедливым; букв. «сесть в несправедливость»), *sich zwischen zwei Stühle setzen* (сесть между двух стульев), *Wind machen* (хвастаться), *die Kehrseite der Medaille* (оборотная сторона медали), метафора *zugeknöpft*, приблизительно соответствующая русской идиоме *застегнутый на все пуговицы*. Во многих случаях эти выражения удачно переведены, но не во всех. Так, языковая игра, основанная на противопоставлении фразеологизмов *sich ins Unrecht setzen* и *sich zwischen zwei Stühle setzen* потеряна, хотя ее несколько компенсирует противопоставление глаголов *стоять* (как компонента идиомы *стоять на своем*) и *садиться* (ср. *хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть*). Языковая игра *Mama fürchtete die Zugluft und machte dennoch ständig Wind* хорошо передана с помощью противопоставления *сквозняка* и *бури* (мама боялась сквозняков и, однако, то и дело *поднимала бурю*), но значение идиомы *Wind machen* ‘хвастаться’ сохранить при этом не удалось. Словосочетание *die Kehrseite ihres Deckblattes* ассоциируется с

идиомой *die Kehrseite der Medaille*, в русском переводе *рубашка верхней карты в ее колоде* эта ассоциация потеряна. Понятно, что любое из предложенных С. Л. Фридлянд решений является — в основном, весьма удачным — переводческим эквивалентом, часто не имея при этом никакого отношения к понятию эквивалентности в системе языка.

В разобранных выше примерах отказ от использования «полного эквивалента» мотивирован, большей частью, художественными особенностями текста и творческой волей переводчика. Встречаются, однако, и случаи, когда отказ от использования «полного эквивалента» продиктован самой системой языка. Такие случаи будут рассмотрены в следующем разделе.

3.2. Эквивалентность в системе языка

Говоря о системной эквивалентности, можно было бы ориентироваться на описанную в разделе 2 традиционную типологию, считая, что тип (i) и, по крайней мере частично, тип (ii) являются хорошими представителями системной межъязыковой эквивалентности. Однако это не совсем так.

Обратимся к примеру. Русская идиома *водить за нос кого-л.* имеет в немецком языке, казалось бы, идеальный эквивалент, идентичный как по актуальному значению, так и по образной составляющей: *jmdn. an der Nase herumführen*. Даже лексические и синтаксические структуры этих двух идиом обнаруживают большое сходство. Тем не менее оказывается, что выражение *jmdn. an der Nase herumführen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *водить за нос кого-л.* далеко не во всех случаях. Ср. примеры (7) и (8).

- (7) In Wahrheit hatte er [Wolfgang Schäuble] aber 100.000 Mark <...> bekommen <...>. Und das hat er im Deutschen Bundestag <...> verschwiegen und hat das erst später, vier Wochen später in einem Fernsehinterview aufgedeckt und da haben viele gesagt, <...> der hat den Deutschen Bundestag *an der Nase herumgeführt* (<http://www.stroebele-online.de/themen/spendenaffaere/29273.html>).
- (7a) А в действительности он [Вольфганг Шойбле] получил 100.000 марок. Причем он скрыл это от бундестага и только позднее, спустя четыре недели, признался в этом во время телеинтервью. И многие сказали тогда: он просто *одурачил* немецкий парламент.
- (8) <...> und man rief seinen gesamten Stab zusammen und ließ verlauten, daß Richard Stuart sie alle *an der Nase herumgeführt hätte* <...> (http://www.freezone.de/german/d_zegall.htm).
- (8a) И тогда созвали весь его штаб и объявили, что Ричард Стюарт *обвел их всех вокруг пальца*.

Дело в том, что русская идиома *водить за нос кого-л.* практически не употребляется в форме совершенного вида; ср. ^{??}*провел за нос*. А немецкая идиома *jmdn. an der Nase herumführen* довольно часто встречается в контекстах, фокусирующих результат действий субъекта и требующих, таким

образом, в переводе на русский совершенного вида. Следовательно, несмотря на интуитивно ощущаемую эквивалентность выражений *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.*, эта эквивалентность не может расцениваться как полная. В отличие от случаев, обсуждаемых в предыдущем разделе, невозможность использования «нормального» эквивалента в переводе зависит здесь не от эстетических задач соответствующего текста и не от субъективного решения переводчика, а от системных особенностей сопоставляемых идиом. Системно эквивалентными оказываются в данном случае не идиомы *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* в целом (как это традиционно постулировалось), а соответствующие режимы употребления этих выражений. Русская идиома *водить за нос кого-л.* — это *imperfectiva tantum* и эквивалентна немецкой идиоме *jmdn. an der Nase herumführen*, только если эта немецкая идиома употребляется в значении развивающегося процесса (*activity*). При употреблении немецкой идиомы в значении законченного действия эквивалентность отсутствует. В таких случаях более адекватными эквивалентами немецкого выражения будут глаголы *надуть*, *одурачить* или фразеологизм *обвести вокруг пальца*. Таким образом, традиционная классификация типов межъязыковой эквивалентности оказывается слишком грубой, поскольку она не учитывает все значимые системные параметры, в частности категорию глагольного вида. Традиционные типы позволяют выделить выражения, которые могут лишь претендовать на статус системной эквивалентности.

З а м е ч а н и е. Употребление русской идиомы *водить за нос* в формах совершенного вида вообще возможно, но крайне нетипично. Из встретившихся в НКРЯ (подкорпус XX в.) 170 контекстов с этой идиомой только 10 обнаруживают формы СВ. Причем 6 из них представляют собой контексты со снятой утвердительностью, в том числе и с явной отрицательной поляризацией¹³; ср. (9) и (10). В этом смысле идиома *водить за нос* в формах СВ (*провести за нос*) до известной степени напоминает выражения типа *пальцем не пошевелить, не уступить ни на йоту*; ср. анализ последних в [Апресян 1990]. В [Баранов, Добровольский 2008] подобные идиомы охарактеризованы как **слабо эксплицитно-негативные**.

- (9) ⟨...⟩ а народ не дурак, *за нос* его так просто *не проведешь* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)).
- (10) *За нос* такого *провести нетрудно*: приласкай — и верти им, любому слову поверит (М. Веллер. Колечко (1983)).

Контексты, лишенные указанных свойств, крайне редки и воспринимаются с точки зрения современного узуса как не вполне нормативные; ср. (11).

- (11) Это потом они хохотали. Потом — когда узнали, что немцы ушли. ⟨...⟩ и он смеялся, забыв вдруг, что старшина по званию, а помня только, что *провели немцев за нос*, лихо *провели*, озорно ⟨...⟩ (Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)).

¹³ О различиях между отрицательной поляризацией и снятой утвердительностью см. [Падучева 2011].

Идиомы представляют собой настолько сложно организованные единицы лексикона, что полного совпадения выражений разных языков по всем релевантным аспектам ожидать довольно трудно. Параметры, по которым должна осуществляться проверка кандидатов на эквивалентность, можно (с известной долей условности) упорядочить по трем основным семиотическим осям: **семантике**, **синтактике** и **прагматике**.

Часто различия между сопоставляемыми фразеологизмами обусловлены сразу несколькими параметрами. Так, несовпадение между идиомами *водить за нос кого-л.* и *jmdn. an der Nase herumführen* проявляется, с одной стороны, в сочетаемостных запретах (синтактика), а с другой — в семантических различиях (нежелательность событийного осмысления выражения *водить за нос* — часть его значения).

Говоря о роли семантики в определении межъязыковой эквивалентности, следует выделить различия в актуальном значении и различия в образной составляющей (которую мы рассматриваем как часть семантики). Так, сопоставляемые выражения могут совпадать по своему актуальному значению, но не по образной основе — и тем самым отклоняться от идеала полной эквивалентности. И наоборот: они могут обладать практически идентичной внутренней формой, но не совпадать по актуальному значению.

Остановимся на этом случае несколько подробнее. Различия в **актуальных значениях** сопоставляемых идиом могут быть трех видов. Либо речь идет о «ложных друзьях переводчика» (ср. русскую идиому *лезть из кожи вон* и немецкую *aus der Haut fahren*, означающую не ‘сильно стараться’, а ‘сильно сердиться’)¹⁴, либо о «межъязыковых квазисинонимах», т. е. о фразеологизмах, близких, но не идентичных по значению, либо об «асимметричной полисемии» (примеры см. ниже).

Примерами **межъязыковых квазисинонимов** могут служить такие пары идиом, как рус. *черным по белому* и нем. *schwarz auf weiß* или рус. *рвать на себе волосы* и нем. *sich die Haare raufen*. В первом случае семантические различия проявляются в том, что немецкая идиома *schwarz auf weiß* фокусирует официальный характер документа, «написанного черным по белому», в то время как русское выражение подчеркивает, что речь идет о чем-то абсолютно ясном и понятном; ср. *Читай внимательней! Там же черным по белому написано, что на что влияет*. Эти различия проявляются и в сочетаемости. Для русской идиомы характерно сочетание со словами *стоит* и *написано*, а для немецкой — со словами *geben* ‘дать’, *bekommen* ‘получить’, *besitzen* ‘обладать’, *haben* ‘иметь’¹⁵. Тонкие семанти-

¹⁴ Ср. также такие примеры, как англ. *to beat about the bush* ‘говорить не по существу, ≈ ходить вокруг да около’ и нем. *bei jmdm. auf den Busch klopfen* ‘пытаться осторожно выяснить что-л. у кого-л.’ или нем. *in den Wind reden/sprechen* ‘говорить, не будучи услышанным’ и рус. *бросать слова на ветер* ‘говорить, не думая, давать поспешные, необдуманные обещания’.

¹⁵ Так, в корпусе Института немецкого языка DeReKo из 223 контекстов с этой идиомой 192 описывают ситуацию получения официального документа или обла-

ческие расхождения между выражениями *черным по белому* и *schwarz auf weiß* могут быть обусловлены этимологической памятью немецкой идиомы. Своей широкой известностью она обязана следующей строке из «Фауста» Гёте: *Denn was man schwarz auf weiß besitzt, kann man getrost nach Hause tragen.*

Выражения *рвать на себе волосы* и *sich die Haare raufen* различаются тем, что русская идиома употребляется в ситуации, когда человек испытывает сильную досаду или отчаяние по поводу чего-то уже случившегося, причем чаще чего-то, что можно было избежать¹⁶, а немецкая идиома выражает, как правило, граничащую с отчаянием беспомощность перед решением предстоящей задачи.

Под **асимметричной полисемией** мы понимаем случаи, когда сопоставляемые выражения обнаруживают различные значения, лишь некоторые из которых могут рассматриваться как семантически коррелирующие. Так, русская идиома *испустить дух* имеет два значения: ‘умереть’ (*Государыня испустила дух*) и ‘перестать существовать’ («*Великий почин*» *испустил дух — субботников больше нет*), а немецкая идиома *den/seinen Geist aufgeben*, которую традиционно описывают как «полный эквивалент» имеет в современном языке только одно: ‘перестать существовать’ (значение ‘умереть’ устарело и практически вышло из употребления; поиск в Интернете не дает ни одного попадания). Это семантическое различие связано и с прагматикой (в широком понимании), поскольку частотность того или иного выражения и его временные характеристики — такие, как факторы архаизации или потери актуальности для современного словоупотребления — находятся в сфере компетенции прагматики. Даже если ограничиться сопоставлением коррелирующих значений этой пары идиом, они оказываются неэквивалентными: *испустить дух* в значении ‘перестать существовать’ говорится об идеях, проектах, организациях и т. п., а *den/seinen Geist aufgeben* — об инструментах и приборах. Так, в корпусах часто встречаются контексты, в которых речь идет о компьютерах, телевизорах, станках, снегоочистителях и пр. Сказать же по-русски ^{??} *мой компьютер/телевизор испустил дух* довольно странно. В этом случае скажут скорее *мой компьютер/телевизор сдох/приказал долго жить*. Таким образом, здесь мы имеем дело не только с различиями в семантике, но и в сочетаемости, т. е. в синтактике.

Что касается различий в **образной составляющей**, они могут быть проиллюстрированы с помощью обсуждавшейся выше пары идиом *an der*

дания им (часто противопоставляемой ситуации устной договоренности). Из 165 контекстов из НКРЯ, в которых встретилась русская идиома *черным по белому*, только 16 амбивалентны в том смысле, что допускают наличие семантического компонента ‘официально’.

¹⁶ Ср. толкование этой идиомы в [REDI 1995: 77]: «to experience utter despair or become very angry with o.s. (often after having realized that undesirable consequences of sth. could have been avoided)».

Nase herumführen и *обвести вокруг пальца*. Поскольку в тех случаях, когда выражение *водить за нос* не подходит в качестве эквивалента из-за своих аспектуальных особенностей и более удачным соответствием оказывается идиома *обвести вокруг пальца* (или глаголы типа *надуть*, *одурачить*), подлинной системной эквивалентности добиться не удастся. Внутренняя форма этих фразеологизмов настолько различна, что полными эквивалентами их считать нельзя.

Различия в прагматическом потенциале сопоставляемых единиц проявляются прежде всего в их привязке к тем или иным типам речевых актов. Приведем пример. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* (букв.: «я сожру метлу») имеет, казалось бы, неплохие корреляты в русском языке — идиомы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте*. Конечно, эти идиомы не могут считаться полными эквивалентами даже в рамках традиционного сопоставительного анализа: они сильно отличаются друг от друга по образной составляющей и могут, следовательно, претендовать лишь на статус «фразеологических аналогов». Однако различия этим не ограничиваются. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* может употребляться в «контекстах уверения» и в «контекстах сомнения». Ср. Следующие примеры из словаря [Duden-11 2002: 111—112].

- (8) Wenn es nicht klappt, *fresse ich einen Besen* (букв. «Если это не получится, я сожру метлу» — ‘уверяю тебя, что это получится’).
- (9) “Mensch”, sagte jemand ziemlich vernehmlich, “*ich fress’ einen Besen*, wenn das nicht dem Jungen seine Schwester ist” (Baldwin, Übers., Welt 269) (букв. «— Послушай, — сказал он довольно громко — я сожру метлу, если это не сестра того парня» — ‘уверяю тебя, что это сестра того парня’).
- (10) *Ich will einen Besen fressen*, wenn das stimmt (букв. «Я сожру метлу, если это правда» — ‘я сильно сомневаюсь в том, что это правда’).

Русские фразеологизмы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте* могут употребляться лишь в речевых актах уверения. Так, было бы очень странно использовать их в переводе контекста (10): ^{??}*Лопни мои глаза / провалиться мне на месте, если это правда*. Такое высказывание было бы возможно, только если интерпретировать его как клятву, т. е. если переосмыслить сомнение в некотором положении дел как уверение в обратном.

Контекстно обусловленное отсутствие эквивалентности задается дополнительно еще и особенностями синтактики (помимо собственно прагматических факторов). В высказываниях с этими русскими идиомами придаточное условия не может предшествовать главному предложению. Так, при переводе контекста (8) сохранить порядок слов невозможно: **Если это не получится, лопни мои глаза / провалиться мне на месте* (ср. подробнее [Dobrovol’skij 2002]). Данные русские идиомы оказываются более жестко связанными не только типом речевого акта, но и конструктивно.

В широком смысле к сфере прагматики относятся такие факторы, как принадлежность выражения к тому или иному стилевому регистру, его временные характеристики (устаревшее vs. новое), степень употребительности, привязка к конкретному типу дискурса и пр. Сюда же, видимо, следует отнести культурно-специфичные элементы внутренней формы.

Закljučая этот раздел, отметим, что исследование эквивалентности в системе языка имеет для фразеологии как теоретическое, так и практическое значение. Одна из важнейших проблем состоит в том, что между принципиально схожими идиомами сопоставляемых языков L1 и L2 практически всегда обнаруживаются определенные семантические, прагматические и сочетаемостные различия, которые должны быть выявлены и описаны. Особенно это важно в тех случаях, когда традиционное описание постулирует отношение «полной эквивалентности», но игнорирует отсутствие функциональной взаимозаменяемости соответствующих идиом. Практическая сторона системной эквивалентности — это ее отражение в двуязычных словарях. На этом мы кратко остановимся в заключительном разделе статьи.

4. Вместо заключения: лексикографические аспекты межъязыковой эквивалентности

В ходе изложения мы попытались показать, что межъязыковая эквивалентность обнаруживает два различных, относительно независимых друг от друга аспекта: (а) эквивалентность в переводе и (б) эквивалентность в системе языка.

С точки зрения решения лексикографических задач необходимо ответить на вопрос, какой из этих двух аспектов эквивалентности должен быть положен в основу составления двуязычных словарей. Заметим сразу, что хороший словарь должен ориентироваться не на (а) и не на (б), а на **функциональную эквивалентность**, находящуюся на пересечении (а) и (б). Функциональные эквиваленты могут быть определены как максимально близкие по актуальному значению и — в идеальном случае — по внутренней форме единицы, которые могут использоваться в аналогичных типах ситуаций без информационных потерь, причем это совершенно не обязательно отношение «фразеологизм — фразеологизм» (подробнее об этом см., например, [Dobrovol'skij 2000b]). Можно привести достаточно много примеров, когда наиболее удачным эквивалентом некоторого фразеологизма языка L1 является слово в языке L2, а не фразеологизм. Так, русский эквивалент немецкой идиомы *auf Eis legen* — русский глагол *заморозить*, а эквивалент немецкой идиомы *halbe Portion* — существительное *слабак* (ср. также подобные примеры из раздела 2)¹⁷.

¹⁷ Ср. также такие соответствия, как англ. *a mare's nest* «гнездо кобылы» (идиома), рус. *газетная утка* (коллокация) и нем. *Zeitungsente* (сложное слово с

Уже по этой причине понятие функционального эквивалента не совпадает с традиционно выделяемыми «полными эквивалентами» в системе языка. Можно было бы подумать, что функциональные эквиваленты ближе к переводческим соответствиям типа (а)¹⁸. Однако и это не так. Ни один словарь не может предложить все возможные варианты перевода того или иного фразеологизма, поскольку эти варианты, в силу самой природы перевода, всегда зависят от контекста, а охватить все потенциальные контексты невозможно в принципе. Как показано в разделе 3.1, переводчики часто достаточно вольно обращаются с лексическим материалом (в том числе с фразеологизмами), добываясь тем не менее адекватных результатов на уровне высказываний.

Колебания двуязычной лексикографии между эквивалентностью типа (а) и типа (б) имеют определенную историю. Известно, что традиция составления двуязычных словарей была ориентирована на системную эквивалентность¹⁹. Словарная статья большинства двуязычных фразеологических словарей состоит из фразеологизма языка L1 (в лемме) и его идиоматических — насколько это возможно — коррелятов в L2. Можно рассматривать эти корреляты как эквиваленты данного L1-фразеологизма? Да и нет. С одной стороны, они должны быть хотя бы «частичными эквивалентами» или «фразеологическими аналогами», иначе их нельзя было бы поместить в соответствующую словарную статью. С другой стороны, часто они не могут быть использованы при переводе конкретных текстов. Причина в том, что, как правило, сопоставляемые фразеологизмы языков L1 и L2 обнаруживают определенные различия в семантических, прагматических и сочетаемостных особенностях. Они могут рассматриваться как межъязыковые эквиваленты только при довольно приблизительном сравнении идиом данных языков, образуя исходный пункт для тщательного контрастивного анализа, цель которого — выявить уникальные черты каждой идиомы и тем самым усовершенствовать лексикологическое и лексикографическое описание фразеологии. Решение этой задачи, естественно, требует обращения к значительному по объему массиву текстов.

метфорическим элементом) или англ. *full of beans* «полный бобов» (идиома) и неидиоматичные слова-эквиваленты нем. *lebhaft* и рус. *оживленный*.

¹⁸ Соответствия типа «фразеологизм — слово» часто встречаются в аутентичном материале — ср. (11), что, однако, само по себе не является доказательством того, что категории функциональной и переводческой эквивалентности совпадают.

(11) Dr. Hulberts umfassende Gesetzeskenntnis wurde das Bollwerk für alle die, denen die Polizei zu scharf *auf die Finger sah* (G. Meyrink. *Der Golem*).

(11a) Всеобъемлющее знание законов, которым обладал доктор Гульберт, стало оградой для всех, на кого полиция слишком внимательно *посматривала* (пер.: Д. Л. Выгодский).

¹⁹ Ср., например, обзор немецко-русских и русско-немецких фразеологических словарей в [Dobrovolskij 1999b].

С появлением корпусов текстов (и в особенности, параллельных корпусов) произошла определенная переориентация фразеографических поисков. Появилась надежда, что с помощью корпусов параллельных текстов удастся выявить «настоящие» эквиваленты каждого фразеологизма, отбросив «системные» соответствия как ошибочные, не подтверждаемые реальным употреблением. На необоснованность подобных ожиданий указывают, в частности, С. Лубенская и М. Мак-Шейн: обращение к корпусам само по себе не решает проблему поиска адекватных эквивалентов, корпусный анализ — это лишь один из инструментов лексикографии [Lubensky, McShane 2007: 920]²⁰.

Если вернуться к разобранным выше примеру идиомы *водить за нос* и ее немецких эквивалентов, можно показать, что исключительная ориентация на тексты без учета системных соответствий вряд ли даст адекватные результаты. «Нормальным» эквивалентом русской идиомы *водить за нос кого-л.* является немецкая идиома *jmdn. an der Nase herumführen*. Сомневаться в том, что эти идиомы в принципе эквивалентны, было бы несколько странно: они идентичны по актуальному значению и по образной составляющей. Тем не менее, как было показано, выражение *jmdn. an der Nase herumführen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *водить за нос кого-л.* далеко не во всех случаях. Для лексикографа, заинтересованного в максимально точном описании материала, такие случаи оказываются проблематичными. Либо мы признаем, что *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* эквивалентны, но тогда нужно объяснить, почему в ряде контекстов «нормальный» эквивалент оказывается неприемлемым. Либо мы отрицаем, что между выражениями *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* есть отношение межъязыковой эквивалентности, и ориентируемся исключительно на перевод конкретных контекстов, но такое решение противоречит интуиции. Видимо, соответствующая словарная статья должна содержать различные эквиваленты с объяснениями контекстных и ситуативных условий их адекватного употребления.

Понятие функционального эквивалента оказывается одновременно и уже, и шире понятий (а) переводческой и (б) системной эквивалентности. Функциональный эквивалент уже переводческого, так как не все соответствия, найденные в текстах, могут быть включены в словарь. Но он и шире, так как эквивалентами могут потенциально быть не только те из соот-

²⁰ «Parallel corpora of the languages being described can highlight the degree of syntactic correlation between phrasemes with a given meaning in different languages, and indicate to what extent phraseme correlations between the given languages are fixed or, conversely, to what extent context-sensitive descriptive turns of phrase are employed. (...) However, despite the advantages that new corpus-based methods afford, they do not solve the most difficult lexicographic challenges; they are just a tool like any other» [Lubensky, McShane 2007: 920].

ветствий, которые реально встретились в проанализированных текстах. Даже если «полный эквивалент» данной идиомы ни разу не встретился в тексте, это еще не значит, что он должен быть вычеркнут из словаря (за исключением тех случаев, когда речь идет о «ложных друзьях переводчика»), но и они могут быть включены в предусмотренную для этого зону словарной статьи с соответствующим комментарием). Функциональный эквивалент шире системного, поскольку им может быть не только фразеологизм L2, но и любая другая лексическая единица этого языка. Но он и уже системного эквивалента, так как «хорошие» соответствия (и даже так называемые интернационализмы) не всегда согласуются, как было показано выше, по всем релевантным параметрам. Это объясняется тем, что идиомы представляют собой весьма сложные образования в семантическом и концептуальном отношении. План содержания всех мотивированных идиом включает два уровня: актуальное (т. е. лексикализованное, конвенционализированное) значение и образную составляющую, т. е. семантическую структуру, зафиксированную во внутренней форме. Кроме того, идиомы часто обнаруживают специфические комбинаторные ограничения и непредсказуемые прагматические особенности. Шансы, что все эти параметры совпадут в L1 и в L2, абсолютно минимальны (ср. Dobvol'skij 1999a; Corpas Pastor 2004: 254; Schindler 2005: 43).

В словарном описании в таких случаях необходим подробный комментарий или толкования сопоставляемых единиц; ср., например, [REDI 1995].

К цели выявления функциональных эквивалентов можно идти двумя путями. Либо исходной точкой анализа являются различные тексты, и тогда мы отбираем нефорсированные, стандартные контексты и сравниваем полученные результаты с нашими представлениями об устройстве фразеологических систем данных языков, т. е. идем от *речи к языку*. Другой путь предполагает, что исходной точкой является сопоставление соответствующих фразеологических систем, причем эти данные уточняются в результате обращения к аутентичным текстам, т. е. к реальному употреблению. В этом случае направление анализа — от *языка к речи*. Очевидно, что два выделяемых здесь аспекта эквивалентности (а) и (б) — это как бы две стороны одного явления или два способа его изучения.

Единственно возможный способ добиться в словаре функциональной эквивалентности — это сочетание анализа устройства фразеологических систем сопоставляемых языков с анализом большого количества текстов и их переводов, а также сочетание L2-эквивалентов с описанием условий их употребления. Технически этого можно будет добиться, если — в соответствии с известным требованием Л. В. Щербы — для каждой пары языков разработать четыре фразеологических словаря.

Основная теоретическая задача сопоставительной фразеологии состоит в выработке общих параметров, по которым выражения различных языков могут быть осмысленно противопоставлены, — параметров, подобных тем, которые обсуждаются в данной статье. Такие параметры могут быть

выработаны только на основе детального анализа конкретных идиом различных пар языков.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1990 — Ю. Д. А п р е с я н. Языковые аномалии: виды и функции // *Res philologica. Филологические исследования*. М., 1990.

Арсентьева 1993 — Е. Ф. А р с е н т ь е в а. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1993.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Гак 1997 — В. Г. Г а к. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // *ВЯ*. 1997. № 1. С. 3—18.

Добровольский 1990 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков: на материале немецкого, английского и нидерландского языков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

Мокиенко 1980 — В. М. М о к и е н к о. Славянская фразеология. М., 1980.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // *ВЯ*. 2011. № 5. С. 55—65.

Райхштейн 1980 — А. Д. Р а й х ш т е й н. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Солодухо 1982 — Э. М. С о л о д у х о. Проблемы интернационализации фразеологии: на материале языков славянской, германской и романской групп. Казань, 1982.

Abdullah, Jackson 1998 — K. A b d u l l a h, H. J a c k s o n. Idioms and the Language Learner: Contrasting English and Syrian Arabic // *Languages in Contrast*. Vol. 1. 1998. № 1. P. 83—107.

Abraham 1989 — W. A b r a h a m. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance // *Proceedings of the first Tilburg workshop on idioms* / Ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden. Tilburg, 1989. P. 1—22.

Chang 2003 — H. C h a n g. Chinesische und deutsche sprichwörtliche Redensarten. Eine kontrastive Betrachtung unter sprachlichen, funktionellen und kulturhistorischen Aspekten am Beispiel von Tierbildern. Hamburg, 2003.

Cheon 1998 — M.-A. C h e o n. Zur Konzeption eines phraseologischen Wörterbuchs für den Fremdsprachler. Am Beispiel Deutsch-Koreanisch. Tübingen, 1998.

Corpas Pastor 2004 — G. C o r p a s P a s t o r. Fraseología y traducción // *Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos* / Ed. by G. Corpas Pastor. Madrid, 2004. P. 245—273.

Dobrovol'skij 1988 — D. D o b r o v o l ' s k i j. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. Leipzig, 1988.

Dobrovol'skij 1998 — D. D o b r o v o l ' s k i j. Russian and German idioms from a contrastive perspective // *Contrastive lexical semantics* / Ed. by E. Weigand. Amsterdam; Philadelphia, 1998. P. 227—242.

Dobrovol'skij 1999a — D. Dobrovol'skij. On the cross-linguistic equivalence of idioms // «Langue» and «parole» in synchronic and diachronic perspective. Selected proceedings of the XXXIst Annual Meeting of the Societas Linguistica Europae, St. Andrews, 1998 / Ed. by C. Beedham. Amsterdam; Oxford, 1999. P. 203—219.

Dobrovol'skij 1999b — D. Dobrovol'skij. Phraseologische Wörterbücher Deutsch-Russisch und Russisch-Deutsch. Stand und Perspektiven // Germanistische Linguistik 143—144. Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch IV / Hrsg. H. E. Wiegand. Hildesheim, New York, 1999. S. 141—175.

Dobrovol'skij 2000a — D. Dobrovol'skij. Contrastive idiom analysis: Russian and German idioms in theory and in the bilingual dictionary // International journal of lexicography. Vol. 13. № 3, 2000. P. 169—186.

Dobrovol'skij 2000b — D. Dobrovol'skij. Idioms in contrast: a functional view // Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción / Ed. by G. Corpas Pastor. Granada, 2000. P. 367—388.

Dobrovol'skij 2002 — D. Dobrovol'skij. Phraseologismen in kontrastiver Sicht // Lexikologie: ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen / Ed. by D. A. Cruse et al. 1. Halbband. Berlin; New York, 2002. S. 442—451.

Dobrovol'skij, Piirainen 2005 — D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam; Oxford, 2005.

Duden-11 2002 — Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. Duden Band 11. Mannheim etc., 2002.

Eismann 2010 — W. Eismann. Phraseologische Gemeinsamkeiten der Sprachen Europas // Handbuch der Eurolinguistik / Hrsg. von U. Hinrichs. Wiesbaden, 2010. S. 711—727.

Günther 1990 — K. Günther. Äquivalenzbeziehungen in der Phraseologie // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 35 (4). 1990. S. 505—509.

Hallsteinsdóttir, Farø 2010 — E. Hallsteinsdóttir, K. Farø. Interlinguale Phraseologie: Theorie, Praxis und Perspektiven // Yearbook of Phraseology (2010). Berlin; New York, 2010. S. 125—158.

Hessky 1987 — R. Hessky. Phraseologie. Linguistische Grundfragen und kontrastives Modell deutsch — ungarisch. Tübingen, 1987.

Korhonen 1995 — J. Korhonen. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen I. Bochum, 1995.

Korhonen 1996 — J. Korhonen (Hrsg.). Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II. Bochum, 1996.

Korhonen 2007 — J. Korhonen. Probleme der kontrastiven Phraseologie // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research / Ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 1. Berlin; New York, 2007. S. 574—589.

Kotb 2002 — S. Kotb. Körperteilbezogene Phraseologismen im Ägyptisch-Arabischen. Wiesbaden, 2002.

Kozak-Opsahl 2010 — K. Kozak-Opsahl. Polish idioms and their equivalents in Norwegian. A cross-linguistic analysis. Ph. D. thesis. Oslo, 2010.

Longman DEI 1979 — Longman dictionary of English idioms / Ed. by T. H. Long, D. Summers. Harlow; London, 1979.

Lubensky, McShane 2007 — S. Lubensky, M. McShane. Bilingual phraseological dictionaries // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research / Ed. by

H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 2. Berlin; New York, 2007. P. 919—928.

Mellado Blanco 2007 — C. Mellado Blanco. Die Frage der Äquivalenzkriterien in der kontrastiven Phraseologie // Puente entre dos mundos: Últimas tendencias en la investigación traductológica alemán-español / Ed. by B. Santana, S. Roiss, Á. Recio. Salamanca, 2007. S. 261—272.

Piirainen 2009 — E. Piirainen. Phraseology from an areal linguistic perspective // Beiträge zur Phraseologie aus kontrastiver Sicht / Ed. by M. Álvarez de la Granja. Hamburg, 2009. P. 19-44.

Piirainen 2010 — E. Piirainen. Common features in the phraseology of European languages: cultural and areal perspectives // Phraseologie global — areal — regional. Akten der Konferenz EUROPHRAS 2008 vom 13.—16.8.2008 in Helsinki / Hrsg. von J. Korhonen. Tübingen, 2010. P. 15—27.

Piirainen 2011 — E. Piirainen. Widespread idioms in Europe and beyond: The oldest layers of the «Lexicon of Common Figurative Units» // Inner and Global Eurolinguistics. Proceedings of the SLE Meeting in Lisbon (9—12 September 2009) and the International Conference in Moscow (June 20—26, 2010) / Ed. by P. Ureland. Berlin, 2011 (forthcoming).

REDI 1995 — S. Lubensky. Random House Russian-English dictionary of idioms. New York, 1995.

Schindler 2005 — C. Schindler. Untersuchungen zur Äquivalenz von Idiomen in Sprachsystem und Kontext. Münster, 2005.

Wotjak, Ginzburg 1987 — B. Wotjak, L. Ginzburg. Zu interlingualen Äquivalenzbeziehungen bei Phraseolexemen // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 1987. Moskau; Zwickau, 1987. S. 67—78.

D. O. DOBROVOL'SKIJ

CONTRASTIVE PHRASEOLOGY: CROSS-LINGUISTIC EQUIVALENCE AND TRANSLATION OF IDIOMS

The notion of cross-linguistic equivalence in the field of phraseology can be defined in two different ways. One way is to look for translations of a given idiom in authentic texts, for instance, in parallel corpora. Another way is to compare phraseological systems of languages under consideration. In both approaches cross-linguistic equivalents can be found. They are, of course, not absolutely parallel and display equivalence only in certain respects. So they have rather to be labeled *near-equivalents*.

What is ultimately to be desired [stet] in both the theory of phraseology and practically oriented research is what is termed *functional equivalence*. Functional equivalents are counterparts which can be used in the same concrete situations without any informational loss. Functional equivalents have to be fixed in an ideal bilingual dictionary of idioms of the languages L1 and L2. To find them out we have to simultaneously go two ways: from text to language system (as typical of investigating translational equivalents) and from language system to text (as typical of discussing the so-called systematic equivalents). Not all systematic equivalents can function as counterparts in authentic texts and, on the other hand, not all translational equivalents can be included in the dictionary as parallels suitable for using in neutral contexts.

Not all correlating idioms of L1 and L2 turn out to be functional equivalents. Often one-word lexical items or collocations meet the criterion of functional equivalence better than a pseudo-equivalent idiom. Functional equivalents can be discovered only through the thorough linguistic analysis using all available data sources: dictionaries, corpora (both monolingual and parallel), surveys, or research results achieved by other linguists.

Keywords: contrastive phraseology, idiom, cross-linguistic equivalence, types of equivalence, translational equivalence, systematic equivalence, functional equivalence, bilingual lexicography.